

22. Pervaja mirovaja vojna: 1914–1918 (neizvestnye stranicy) // Rodina. 1993. № 8–9.
23. Pervaja mirovaja vojna: diskussionnye problemy istorii. M., 1994.
24. Posloviцы russkogo naroda: sbo. V. Dalja: v 3 t. M., 1993. T. 2.
25. Programma Rossijskoj social-demokratičeskoj rabochej partii, prinjataja na II s#ezde partii // KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). T. 1: 1898–1917. 9-e izd., dop. i ispr. M., 1983. S. 59–63.
26. Programma Rossijskoj kommunističeskoj partii (bol'shevikov), prinjataja na VIII s#ezde RKP(b) // KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). T. 2: 1917–1922. 9-e izd., dop. i ispr. M., 1983. S. 71–92.
27. Putin V.V. Otvet na vopros M. Sabitova iz g. Ufy Respubliki Bashkortostan vo vremja besedy 29 avgusta 2014 goda na 10-m Vserossijskom molodeznom forume «Seliger-2014» // Ros. gaz. 2014. 30 avg. URL: <https://rg.ru/2014/08/30/stenogramma.html> (data obrashhenija: 13.07.2018).
28. Rostunov I.I. Russkij front pervoj mirovoj vojny. M., 1976.
29. Tjutjukin S.V. Lenin i Buharin: levoradikal'noe krylo marksizma v period pervoj mirovoj vojny // Pervaja mirovaja vojna: diskussionnye problemy istorii. M., 1994. S. 140–153.
30. Fel'shtinskij Ju. Den'gi dlja diktatury proletariata // Rodina. 1990. № 11. S. 40–47.

Second World War and the position of the Russian Social-Democracy

The author considers V.I. Ulyanov-Lenin's anti-patriotic judgments alien to the Russian people, which is reflected in the notes and articles published by him in the years 1905–1918. The author compares the publications under study with the documents adopted by the Bolshevik wing of the Russian Social Democracy through the decisions of the congresses of the Russian Social-Democratic Labour Party and the Russian Communist Party (Bolshevik) and makes a conclusion about Lenin's supporters' betrayal of the national interests of Russia during World War I for the sake of coming to power in the country.

Key words: *V.I. Ulyanov-Lenin, social democracy, fatherland, homeland, patriotism, war.*

(Статья поступила в редакцию 11.09.2018)

О.В. ЛИХОЛЕТ
(Астрахань)

РОСТ ЗАРПЛАТ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПА

Рассматриваются вопросы мотивации промышленных рабочих в условиях перехода к НЭПу. Положения статьи основываются на фактических материалах Нижнего Поволжья. Прослеживается эволюция заработной платы промышленных рабочих – от уравнительной и натуральной до сдельной в денежной форме. Подчеркивается, что правительство было готово поднимать зарплату рабочих даже в ситуации экономической нестабильности.

Ключевые слова: *трудовые отношения, заработная плата, рабочий, рубль, правительство.*

История России знает много экспериментов в социально-экономической сфере. Осмысление и изучение этих страниц, причины реформ и инструменты их претворения в жизнь, а также результаты имеют большое историческое значение для социально-экономического и политического развития нашей страны. В этом контексте реализация социально-экономических мероприятий в рамках НЭПа как развитие модернизационной стратегии [6, с. 448] – одно из интереснейших явлений в истории России XX в.

В задачу данной статьи не входит исследование всех причин отказа от политики военного коммунизма и перехода к НЭПу. Политика военного коммунизма привела большевиков к утрате доверия со стороны производительной части населения страны – крестьян и рабочих. Поэтому наиболее актуальной задачей при переходе к НЭПу было повышение благосостояния производителей через предоставление им возможностей увеличить доходы [2, с. 179].

Одним из результатов политики военного коммунизма стало снижение производства сельхозпродукции. Это повлекло за собой продовольственный кризис, серьезно подорвавший авторитет большевиков среди горожан. Отмена в 1920 – начале 1921 г. платы за коммунальные и иные услуги, предоставлявшиеся местными органами власти, при снижении качества этих услуг (а то и вовсе их прекращении) не дало властям симпатий горожан. Фабрично-

заводские рабочие были недовольны военизацией трудовых отношений (трудооблигациями, наказаниями за недоработки «по законам военного времени» и т. д.), все уменьшавшимися продовольственными пайками в качестве оплаты труда. На производстве было введено уравнильное снабжение, слабо учитывавшее трудовой вклад работника в общий результат работы. Как и крестьяне, рабочие были лишены реальных стимулов к росту производства, что привело в состояние упадка производственную сферу и вызвало промышленный кризис. Кризис снабжения – и продовольственного, и промышленного – поставил страну на грань гуманитарной катастрофы [7, с. 11].

Таким образом, к весне 1921 г. большевики оказались перед сложным выбором: продолжить гражданскую войну с неясными перспективами или начать широкомасштабные преобразования в экономике и социальной политике, которые в максимально сжатые сроки увеличили бы социальную базу режима. В процессе работы X съезда РКП(б) руководством партии было решено изменить экономическую составляющую внутренней политики.

Наиболее важные экономические реформы реализовывались в области трудовых отношений. В отношении горожан в рассматриваемый период наиболее актуальным был вопрос о заработной плате, в том числе у рабочих промышленности. Зарплата на промышленных предприятиях с 1918 г. складывалась из двух составляющих: денежной части и продовольственного пайка. Из-за девальвации национальной валюты наличные деньги в составе зарплаты имели малое практическое значение. На X съезде РКП(б) было продекларировано, что рабочим промышленных центров страны будут обеспечены «паек и такие условия жизни, которые действительно были бы для них стимулом оставаться на фабриках и заводах». Учитывая инфляцию, руководство партии посчитало нужным продолжить увеличение продуктовой части в составе заработной платы, предполагалась помощь и беднейшим крестьянским хозяйствам. На эти цели решениями съезда выделялось 10 млн руб. золотом [1, с. 610, 630]. Таким образом, в условиях экономического кризиса главной частью зарплаты до середины 1922 г. оставался продовольственный паек.

В 1921–1922 гг., как и в период военного коммунизма, уровень жизни рабочих был крайне низким. В 1918 г. рабочий на свой заработок мог купить в 5 раз меньше продуктов, чем в 1913 г., хотя номинальная зарплата выросла в 15 раз. Рыночные цены удваивались каж-

дые три месяца [10, с. 364]. Весной 1919 г. – 52%, в мае 1920 г. – 25% городских рабочих получали питание ниже физиологического минимума [Там же, с. 362]. С переходом к НЭПу предприятия переводились на хозрасчет, а система начисления зарплаты изменялась на основе принципа материальной заинтересованности каждого работника и коллективов предприятия в развитии производства.

В апреле 1921 г. правительство предоставило рабочим право увеличить доходы за счет роста производительности труда, а местные органы обязывались устанавливать такие системы начисления зарплаты, которые позволили бы рабочим увидеть зависимость между вложенным трудом и полученной в результате суммой [20]. Теперь при начислении зарплаты учитывался целый ряд факторов: стаж работника, его квалификация, производительность труда, процент брака. Новый принцип начисления зарплаты стал называться прогрессивным. Кроме того, с весны 1921 г. широкое распространение получила практика премирования за трудовые успехи. Так, одним из решений Астраханской губпартконференции (июнь 1921 г.) было: «...разработать план премирования рабочих за сверхурочную работу, разрешить вопрос о тарифах в сторону улучшения материального положения рабочих» [8].

С лета 1921 г. начался переход на сдельную оплату труда, но этот процесс сдерживался низким уровнем финансовых отношений на производстве. В это же время (июнь 1921 г.) происходил переход на коллективное снабжение в учреждениях и промышленности как альтернатива хозрасчетным отношениям [18; 19].

Переход промышленности на прогрессивную зарплату и систему премирования привел к перемене мотивации рабочих. Они стали бережнее относиться к материалам и оборудованию, старались сократить себестоимость продукции и увеличить объемы производства. На заседании Саратовского губкома РКП(б), посвященном итогам 1922 г., один из ораторов отмечал: «Хищения у нас с переходом на хозрасчет или совершенно прекратились, или совершенно пали... на табачной фабрике невыход на работу в 1921 г. достигал 20–30% от общего числа работающих, а за последний месяц он упал до 1%». С переходом на сдельщину объем выпускаемой продукции саратовской маслостройки увеличился на 80%; «Саратовская мануфактура» после внедрения сдельной оплаты в течение месяца нарастила производство на 40%; на предприятии снизилось количество хищений [21]. Производительность труда в пересчете на одного саратовского ра-

бочего за 1922–1923 гг. повысилась: по Маслотресту – на 12%, в металлообработке – на 152%, в кожевенном производстве – на 126% [12, с. 27].

К осени 1922 г. зарплата промышленных рабочих эволюционировала от натуральной и уравнивающей до сдельной оплаты труда, учитывавшей реальный вклад в производство каждого его участника. С особенно ценными для производства рабочими заключались индивидуальные контракты [22, с. 99]. Трудовые отношения в субъектах экономики регламентировались коллективными договорами, введение которых началось с 1922 г.

В центральных районах страны с конца 1921 г. произошел переход к денежной оплате труда, а продпайки повсеместно отменялись. В Нижнем Поволжье до осени 1922 г. зарплата была только натуральной, что объясняется голодом 1921–1922 гг. [5, с. 10]. Для работников разных производств определялись свои нормы натуральной оплаты. Эквивалентом выдач и основной составляющей зарплаты была мука. Зимой-весной 1922 г. астраханские рабочие по большинству отраслей получали 50 фунтов (22,7 кг) муки в месяц; работники водного транспорта – 70 фунтов. Кроме муки, выдавались крупы, соль, рыба, махорка, картофель. Зимой из-за забоя скота выдавалось мясо [13, с. 39].

Мука в период голода стоила чрезвычайно высоко: на астраханских рынках в январе 1922 г. пуд муки стоил 970 тыс. руб., в феврале – 2 778 тыс. руб., в июне – 9 717 тыс. руб. [14, с. 82–83]. На пуд муки в это время можно было обменять 3–4 пуда картофеля, 9–15 фунтов рафинада, от 10 до 13,6 фунтов сливочного масла. Поэтому госпредприятия платили своим рабочим весьма устойчивой «валютой».

С осени 1922 г. в Нижнем Поволжье вводилась монетарная форма оплаты труда и зарплата сразу стала отставать от роста цен. С 1922 г. стала применяться единая тарифная сетка (ЕТС), состоявшая из 17 разрядов, на основе которой начислялись зарплаты. Эта сетка действовала до 1926 г. Ученики тарифицировались по 1–4 разрядам; рабочие – по 5–9 разрядам; счетно-конторские работники – по 10–13 разрядам; административно-технический персонал – по 14–17 разрядам. ЕТС дифференцировала зарплату в зависимости от квалификации и стимулировала рабочих на повышение профессионального уровня, как следствие – на увеличение эффективности труда и повышение доходов. Негативными чертами тарифной сетки образца 1922 г. были излишняя централизованность общеобязательных норм и жесткая регламентация условий труда.

Это было явным пережитком военного коммунизма и противоречило экономической природе НЭПа. Недостатки ЕТС отчасти корректировались коллективными договорами, регулировавшими условия труда и его оплату.

Для воздействия на нерадивых работников вводилась система штрафов. Штрафные средства шли в премиальный фонд предприятия.

Совершенствование системы начислений привело к увеличению зарплат промышленных рабочих. Так, в Астрахани среднемесячная зарплата рабочего в течение 1922 г. выросла с 5 руб. 79 коп. до 20 руб. 70 коп. в золотом исчислении [11], что составило 26% уровня 1913 г. Весной 1923 г. среднемесячный заработок астраханского рабочего-металлиста составлял 33 руб. 60 коп., в химической промышленности – 14 руб. 90 коп., в пищевой промышленности – 26 руб., у рабочих-печатников зарплата была 30 руб. 40 коп. в месяц в золотом исчислении [15, с. 142]. На астраханских промыслах весной 1923 г. зарплата рабочих варьировалась от 26 руб. 90 коп. до 107 руб. в месяц. Среднемесячная зарплата рабочих по всем отраслям выросла до 53 руб. 41 коп. [Там же, с. 30].

С начала 1924 г. на сдельную оплату перешла примерно половина рабочих. К 1 октября 1924 г. – 69,5%; к 1 октября 1925 г. – 71,0%; к 1 октября 1926 г. – 78,3%. В ежегодном отчете астраханского губплана за 1927 г. отмечается: «Основной формой оплаты труда в промышленности является сдельщина» [16, с. 85].

В тех отраслях промышленности, развитие которых было наиболее необходимо хозяйству страны, правительство нормативно повышало зарплату всем работникам. В качестве примера можно привести циркуляр Наркомата труда РСФСР от 22 декабря 1925 г. № 19/с, устанавливавший повышение зарплаты по отдельным отраслям промышленности в следующих размерах:

- металлопромышленность – на 9%;
- нефтяная промышленность – 9%;
- рудная – 13,4%;
- горная – 10%;
- бумажная – 10%;
- химическая – 10%;
- стекольная – 10%;
- спичечная – 10%;
- фарфоровая – 10% [9].

В 1924/25 бюджетном году зарплаты промышленных рабочих Нижнего Поволжья выросли по 6 отраслям промышленности в среднем от 50 до 68 руб. в месяц, в стекольной – до 27,7 руб., в бондарной – до 40,06 руб. [16, с. 90].

Быстрое нормативное повышение зарплат привело к тому, что с 1923 г. рост производительности труда стал отставать от роста зарплат [4, с. 24]. Производительность труда по трестам Саратовской губернии за 1923/24 бюджетный год составила в среднем 63,1% от уровня 1913 г., а зарплаты поднялись до 90% от уровня 1913 г. [17, с. 42]. В 1923 г. о чрезмерном росте зарплат рабочих писал авторитетный член партии Ю. Ларин. Он считал, что зарплаты рабочих нужно было урезать, чтобы не сеять раздор между пролетариатом и крестьянством.

Промышленный пролетариат был официально провозглашен авангардом (гегемоном) советского общества, рост благосостояния которого нужно было гарантировать в первую очередь. Поэтому тарифные ставки работников промышленности до 1926 г. постоянно и необоснованно повышались [3, с. 21]. Как результат, в промышленной сфере уровень зарплат уже в 1924 г. не соответствовал производительности труда, значительно ее обгоняя. Необоснованные с позиций экономики политические решения, принимавшиеся правительством большевиков, привели страну к серьезному общественному дисбалансу. Его проявлениями стали формирование партийно-номенклатурной элиты, с пренебрежением относившейся к представителям других социальных групп, сдерживание развития частной экономической инициативы, возникновение остаточного принципа развития социокультурной сферы и многое другое. На наш взгляд, заложенные еще в годы НЭПа общественные противоречия стали одной из ключевых причин кризиса и дальнейшего краха советской общественной системы.

Список литературы

1. X съезд РКП (б) Стенографический отчет. М., 1963.
2. Болотов Н.А. Аграрная политика Советского государства в Нижнем Поволжье в годы нэпа: историография проблемы // История России: на перекрестке мнений: материалы III межрегиональных исторических чтений, посвященных памяти проф. Б.С. Абалихина; редкол.: Е.Ю. Болотова (отв. ред.), Н.А. Болотов, Н.Б. Крылова. Волгоград, 2007. С. 179–184.
3. Болотов Н.А. Подготовка рабочих кадров в Волгоградской области как аспект социальной политики: история и современность // 75 лет Волгоградской (Сталинградской) области: история и современность. По документам архивного фонда Волгоградской области: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2012. С. 17–21.
4. Болотов Н.А. Социальная политика в Нижнем Поволжье в 1920–1930 гг. Волгоград, 2004.
5. Виноградов С.В. Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы нэпа 1921–1927 гг. (на материалах Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998.
6. Виноградов С.В. От новой экономической политики к «Великому перелому» (рецензия на книгу В.А. Шишкина «Россия в годы “Великого перелома” в восприятии иностранного дипломата (1925–1931 гг.)») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 446–458.
7. Виноградов С.В. Становление и развитие смешанной экономики в условиях нэпа 1921–1927 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
8. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. Л. 43.
9. ГАСД АО. Ф. 2045. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.
10. История советского рабочего класса: в 6 т. М., 1984. Т. 1.
11. Коммунист. 1923. 28 июня.
12. Коммунистический путь. 1925. № 2.
13. Наш край. 1922. № 2–3.
14. Наш край. 1923. № 1.
15. Наш край. 1924. № 1.
16. Наш край. 1927. № 8.
17. Нижнее Поволжье. 1925. № 3.
18. О коллективной (денежной и натуральной) оплате труда служащих в советских учреждениях: декрет СНК от 12 июля 1921 г. № 336 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 608–610.
19. О коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий: постановление СТО от 18 июня 1921 г. // Правда. 1921. 19 июня.
20. Об урегулировании оплаты труда рабочих: декрет СНК от 7 апреля 1921 г. № 154 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 254–255.
21. Саратовские известия. 1921. 19 окт.
22. Турицын И.В. Революционный порыв и традиция как элементы формирования нового управленческого слоя в 1920-е годы (на материалах Юго-Востока России) // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики / отв. ред. С.В. Виноградов. М., 2014. С. 94–104.

* * *

1. X s#ezd RKP (b) Stenograficheskij otchet. M., 1963.

2. Bolotov N.A. Agrarnaja politika Sovetskogo gosudarstva v Nizhnem Povolzh'e v gody njepa: istoriografija problemy // Istorija Rossii: na perekrestke mnenij: materialy III mezhregional'nyh istoricheskikh

chtenij, posvjashennyh pamjati prof. B.S. Abalihin; redkol.: E.Ju. Bolotova (otv. red.), N.A. Bolotov, N.B. Krylova. Volgograd, 2007. S. 179–184.

3. Bolotov N.A. Podgotovka rabochih kadrov v Volgogradskoj oblasti kak aspekt social'noj politiki: istorija i sovremennost' // 75 let Volgogradskoj (Stal'ingradskoj) oblasti: istorija i sovremennost'. Po dokumentam arhivnogo fonda Volgogradskoj oblasti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Volgograd, 2012. S. 17–21.

4. Bolotov N.A. Social'naja politika v Nizhnem Povolzh'e v 1920–1930 gg. Volgograd, 2004.

5. Vinogradov S.V. Vozrozhdenie mnogoukladnoj jekonomiki Rossijskoj Federacii v gody njepa 1921–1927 gg. (na materialah Povolzh'ja): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1998.

6. Vinogradov S.V. Ot novej jekonomicheskoj politiki k «Velikomu perelomu (recenzija na knigu V.A. Shishkina «Rossija v gody “Velikogo pereloma” v vosprijatii inostrannogo diplomata (1925–1931 gg.))» // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2013. № 3 (36). S. 446–458.

7. Vinogradov S.V. Stanovlenie i razvitie smeshannoj jekonomiki v uslovijah njepa 1921–1927 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1992.

8. Gosudarstvennyj arhiv sovremennoj dokumentacii Astrahanskoj oblasti (GASD AO). F. 1. Op. 1. D. 52. L. 43.

9. GASD AO. F. 2045. Op. 1. D. 2. L. 30.

10. Istoriya sovsetskogo rabocheho klassa: v 6 t. M., 1984. T. 1.

11. Kommunist. 1923. 28 ijunja.

12. Kommunisticheskij put'. 1925. № 2.

13. Nash kraj. 1922. № 2–3.

14. Nash kraj. 1923. № 1.

15. Nash kraj. 1924. № 1.

16. Nash kraj. 1927. № 8.

17. Nizhnee Povolzh'e. 1925. № 3.

18. O kollektivnoj (denezhnoj i natural'noj) oplate truda sluzhashhij v sovsetskij uchrezhdenijah: dekret SNK ot 12 ijulja 1921 g. № 336 // Sobranie uzakonenij i rasporjazenij pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1944. S. 608–610.

19. O kollektivnom snabzhenii rabochih i sluzhashhij nekotoryh gosudarstvennyh predpriyatij: postanovlenie STO ot 18 ijunja 1921 g. // Pravda. 1921. 19 ijunja.

20. Ob uregulirovanii oplaty truda rabochih: dekret SNK ot 7 aprelja 1921 g. № 154 // Sobranie uzakonenij i rasporjazenij pravitel'stva za 1921 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1944. S. 254–255.

21. Saratovskie izvestija. 1921. 19 okt.

22. Turicyn I.V. Revoljucionnyj porvy i tradicija kak jelementy formirovanija novogo upravlencheskogo sloja v 1920-e gody (na materialah Jugo-Vostoka Rossii) // Al'ternativy bol'shevistskoj modernizacii v gody novej jekonomicheskoj politiki / otv. red. S.V. Vinogradov. M., 2014. S. 94–104.

The growth of wages of industrial workers of the Lower Volga region in the early years of the NEP

The article deals with the issues of motivation of industrial workers in the transition to the New Economic Policy (NEP). The points made in the article are based on factual materials of the Lower Volga region. The author traces the evolution of the wages of industrial workers from equal salaries in kind to piecework wages. It is emphasized that the government was ready to raise the wages of workers, even in a situation of economic instability.

Key words: labor relations, wages, worker, ruble, government.

(Статья поступила в редакцию 24.09.2018)

Ф.А. ТАКТАШЕВА
(Волгоград)

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940-х – 1950-х гг.*

Приводятся данные по основным демографическим показателям Сталинградской области в период послевоенного восстановления и последующего развития: численность, естественный прирост, рождаемость, смертность, половозрастная структура населения. Анализируются факторы, оказавшие влияние на демографические процессы в исследуемый период.

Ключевые слова: Сталинградская область, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление, демография, численность населения, естественный прирост населения, смертность, рождаемость.

Современные тенденции развития народонаселения и их обусловленность прошлым делают особо актуальными проблемы демографической истории России XX в. Период 1940-х – 1950-х гг., озаглавленный Великой Отечественной войной и процессами послевоенного восстановления как экономических,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-49-343006 p_мол_a).